

- Сегодня мы с тобой снова будем патрулировать то же место, что и в прошлый раз. Ты его еще помнишь? - продолжал спрашивать Большой Мак.

Мысли Орвицки вернулись к реальности по зову Большого Мака:

- Да.

Большой Мак мягко улыбнулся. Борода скрывала его рот, но глаза изогнулись в улыбке:

- Это оживленное место.

Орвицка тоже постарался естественно улыбнуться в ответ.

- Эй! Большой Мак! Новенький! - С обеих сторон из общежития выходили другие полицейские, приветствуя их. Три смежных таунхауса - судя по заселенности их корпуса, во всех зданиях, если они были полностью заняты, проживало не менее сорока полицейских семей.

Участок Рыбьего Хвоста находился напротив таунхаусов, нужно было лишь перейти улицу. Слева от участка, неподалеку, располагались два банка. Было видно, как охранники выгружают из инкассаторской повозки утреннюю доставку мешков с деньгами - кузов повозки напоминал увеличенный сейф.

Какой-то старик, прихрамывая, обходил и гасил газовые фонари. Перед полицейским участком стояла конная тюремная повозка. Несколько явно не успевших закончить смену ночных полицейских с сонными глазами вытаскивали из повозки арестантов одного за другим. Увидев подошедших Орвицку и Большого Мака, они тут же с облегчением закричали:

- Помогите!

Еще не подойдя к повозке, Орвицка почувствовал сильный запах перегара. Подойдя ближе к двери повозки, он уловил кислый запах рвоты, доносившийся изнутри. Его взгляд на мгновение затуманился - всплыли воспоминания прежнего владельца.

В первый день работы прежний владелец тоже начинал с того, что помогал коллегам разбираться с пьяницами.

Нельзя сказать, что все было точно так же, скорее, не было никаких отличий.

- Бле-э! - один из вытащенных пьяниц тут же согнулся и его вырвало. Орвицка инстинктивно отскочил, но на его сапог все же попало несколько капель. Брови его дернулись.

- Эй, красотка! - крикнул один из арестантов Орвицке развязным тоном и даже присвистнул.

Бах! Губы свистевшего еще не успели сомкнуться, как Большой Мак с размаху врезал ему кулаком в глазницу. Арестант тут же повалился назад, с глухим стуком ударился затылком о железную дверь повозки, а затем, закатив глаза, рухнул на землю. Большой Мак не пощадил его: схватив за воротник, он рывком поднял его на ноги и еще одной хлесткой пощечиной привел в чувство.

Очнувшийся арестант больше не выказывал той развязности, что была по отношению к Орвицке. Он дрожал и прикрывал лицо руками. Вероятно, повредив язык, он невнятно, но максимально громко молил о пощаде:

- Я был неправ! Сэр! Я был неправ! Пощадите!

Большой Мак небрежно швырнул его коллеге. Остальные арестанты тут же стерли улыбки с лиц, а несколько пьяниц внезапно протрезвели и пошли ровнее.

- Просто отбросы, научить их уму-разуму легко, - Большой Мак, посмотрев на Орвицку, снова сменил свирепость на добродушную улыбку. Входя вместе с Орвицкой в полицейский участок, он сказал: - Но должен сказать, ты слишком худой, Мондэйл. Впрочем, когда ты официально станешь патрульным и получишь значок, я смогу отвести тебя в полицейский клуб Рыбьего Хвоста. Там есть тир и боксерский ринг. Месяц тренировок - и ты сразу станешь крепче.

- Конечно, я с нетерпением жду, когда стану сильнее, - Орвицка ответил широкой улыбкой.

Это было доброе предложение и искреннее пожелание, которое стоило принять. А бросаться останавливать Большого Мака, избивающего арестанта?

Большой Мак заступился за него. Останавливать его было бы не просто проявлением излишней мягкости, а идиотизмом.

У входа в участок находилась стойка информации, здесь же полицейские отмечались о прибытии - арестанты и полицейские расписывались одновременно. Те, кто не умел писать, оставляли отпечаток пальца синими чернилами. Расписываясь, Орвицка заметил, что неграмотных полицейских было лишь немногим меньше, чем неграмотных арестантов. Даже среди королевских полицейских, потомков аристократов, базовое образование имели немногие.

Полицейский-клерк за стойкой, Боуэн Бандиник, обладал животом еще большим, чем у Большого Мака, и соответствующим зычным голосом:

- Похоже, ты и вправду поправился, малыш Мондэйл! Это просто замечательно!

Он протянул свои короткие толстые пальцы, чтобы похлопать Орвицку по плечу, но между ними была стойка и, что важнее, его собственный живот. Руки у Бандиника тоже были недлинными, так что этот жест лишь заставил его неловко помахать рукой в воздухе.

Орвицка наклонился вперед и пожал руку Бандиника:

- И вам всего хорошего.

- О-хо-хо! - Бандиник убрал руку и радостно похлопал себя по животу.

Орвицка повернул голову и посмотрел на другую сторону холла. Там висела большая черная доска с расписанием дежурств на последние две недели. Горизонтальные ряды - даты, вертикальные столбцы - названия главных улиц Рыбьего Хвоста. Имена полицейских были написаны на маленьких табличках.

На табличках стояли инициалы и фамилия, например, у самого Орвицки - А. Мондэйл. Но так как имена могли совпадать, таблички различались по цвету.

- Салага! Шевелись! - Орвицка подумал, что зовут его, но это другой старый патрульный буквально выпихивал ногой патрульного-стажера из участка.

Это напомнило Орвицке, что он слишком долго глазел по сторонам. Отведя взгляд от большой черной доски, он быстрым шагом подошел к Большому Маку.

Хотя ему все еще было любопытно посмотреть на другие части участка - на другую сторону холла, на клетку для содержания преступников, на доносящийся издали пронзительный звон телефона из комнаты детективов - сейчас было не время.

Хотя пьяницы и арестанты вызвали у него чувство дежавю, это было все. Больше воспоминаний о первом дне дежурства у прежнего владельца не появилось.

- Завтра наша очередь дежурить в участке, я тебе все покажу. Пойдем, Мондэйл, - сказал Большой Мак.

Большой Мак вел себя очень мягко. Он заступился за Орвицку в инциденте с пьяницей, он называл Орвицку по фамилии "Мондэйл", а не "салага". "Неужели старый Мондэйл подкупил его?" - подумал Орвицка.

Почему старый Мондэйл ничего об этом не сказал? Или сказал, но в его воспоминаниях этого не осталось?

Орвицка шел рядом с Большим Маком и размышлял. Он был уверен, что ничего такого не помнит. Уезжая, старый Мондэйл дал прежнему владельцу лишь приказ о назначении, велел явиться по указанному адресу в полицейский участок Рыбьего Хвоста, дал ему двести золотых гербов и поспешил на корабль.

Это было нелогично. Если он смог устроить сына в королевскую полицию, то должен был оставить ему пару надежных контактов. Даже если он опасался, что этот мальчик, выросший в тепличных условиях, быстро растратит все связи, не стоило скрывать абсолютно все.

Если нет, то была ли доброта Большого Мака искренней? Или у него были другие мотивы?

Орвицка благодарно улыбнулся Большому Маку и вместе с другими патрульными вышел из

полицейского участка. Едва они вышли, как раздался звук: "У-у-у! Клац-клац-клац!". Дюжина патрульных тут же побежала направо вперед, к станции общественного парового трамвая.

Кххх... Едва они подоспели к платформе, как общественный паровой трамвай остановился перед ними.

Его "голова" напоминала старинный паровоз из фильмов. Орвицка никогда не видел настоящий паровоз на Голубой планете, но по ощущениям он был меньше, чем паровозы Голубой планеты. Кабина машиниста находилась наверху локомотива. Было хорошо видно машиниста и его помощника, крепко пристегнутых Х-образными ремнями безопасности к сиденьям - руля в кабине не было, только длинные и короткие рычаги.

За локомотивом были прицеплены два зеленых вагона. Вагоны были выше локомотива, не менее трех метров в высоту, но лишь немного шире. На боку вагонов была нарисована большая цифра одиннадцать.

Судя по воспоминаниям прежнего владельца и по тому, как Орвицка спешил на станцию, скорость этого трамвая была примерно такой же, как у автобуса на Голубой планете.

Патрульные гуськом вошли в вагон. У входа стоял человек в форме, от которого разило спиртным:

- Эй, парни, - поздоровался он с патрульными, икнув.

Прежний владелец, хотя и имел собственную повозку, ездил и на общественном транспорте - помимо таких городских паровых трамваев были еще и общественные конные омнибусы. Он знал, что форма этого пьяницы означает, что он кондуктор. Но патрульные, вошедшие первыми, даже не обратили на кондуктора внимания, прошли внутрь и сели на места.

В вагоне стоял смешанный запах плесени, пота, перегара и даже мочи. Маленькая масляная лампа, похожая на клетку, была закреплена в центре вагона и упорно излучала тусклый свет.

В вагоне уже были люди, но все они сгрудились в задней трети. Лишь немногие сидели, большинство теснились стоя.

Орвицка следовал за Большим Маком. Он думал, что им придется идти назад, но Большой Мак стянул с сиденья в первом ряду одного из патрульных:

- Подвинься, нам на улицу Длинной Канавы!

Двое патрульных тут же встали и пересели назад. Большой Мак сам сел у окна, уступив Орвицке место у прохода.

Общественный трамвай дал гудок и тронулся с места, кляца колесами по деревянным рельсам. Деревянная скамья ритмично подпрыгивала в такт движению.

Поначалу некоторые патрульные тихо переговаривались, но после того, как кто-то пару раз кашлянул, все замолчали. В задней части вагона тоже было тихо. Кондуктор с подобострастной улыбкой подошел к патрульному, с которым, видимо, был знаком, но тот зыркнул на него, и кондуктор вернулся на свое специальное место - высокий железный табурет у двери, окруженный перекладной-ограждением.

Кондуктор сидел на краешке табурета, ерзая, явно чувствуя себя не в своей тарелке в сложившейся ситуации.

Орвицка даже услышал сзади детский всхлип, но он тут же оборвался.

Снова нахлынули воспоминания. В первый день патрульным, сопровождавшим прежнего владельца, был Дондерни Брайт, лет тридцати, черноволосый, голубоглазый, очень красивый, с модными усиками. Он отвез прежнего владельца на улицу Длинной Канавы на наемной повозке. Наемная повозка, конечно, была намного комфортнее этого рельсового трамвая, но и стоила дороже.

Патрульный не мог позволить себе такую роскошь.

Значит, тот Брайт тоже оказал ему особую услугу?

<http://bllate.org/book/17916/1715752>